

ПАВЛУНОВСКИЙ И ЗАКОВСКИЙ В СИБИРИ. ВНЕДРЕНИЕ ЧЕКИСТСКИХ МЕТОДОВ В 1920–1932 гг.

Аннотация: Представлена попытка реконструкции исторических портретов первых руководителей органов ВЧК–ОГПУ в Сибири в контексте карательной политики 1920-х — начала 1930-х гг. Анализируются содержание и основные методы спецслужб, сложившиеся в условиях Гражданской войны как средство завоевания и удержания большевистской власти. Выявляется личное участие И. П. Павлуновского и Л. М. Заковского в организации и проведении массовых операций против представителей свергнутых классов и крестьянского недовольства, в создании особого режима секретности, формировании политической ссылки, спецпоселений в Сибири и проведении коллективизации.

Ключевые слова: Павлуновский; Заковский; органы ВЧК–ОГПУ; Сибирь; чекистские методы; репрессии; крестьянство.

Историю социально-политического переустройства советской России невозможно представить без участия чекистского аппарата и особой роли его руководителей как организаторов многих крупных мероприятий, прежде всего в карательной политике. В ряду наиболее значимых персон в истории 1920-х–1930-х гг. важное место принадлежит И. П. Павлуновскому и Л. М. Заковскому. Это были ключевые фигуры ленинского и сталинского правительства в политике утверждения советского режима и большевистской модели развития в восточных регионах страны. Оба занимали должности главных чекистов в Сибири наиболее продолжительный период и смогли заметно продвинуться в своей карьере до уровня крупных деятелей сталинской эпохи.

Павлуновский занимал пост полномочного представителя (ПП) ВЧК–ОГПУ по Сибири шесть лет (с марта 1920 по февраль

1926), затем переведен на пост ПП ОГПУ по Северному Кавказу (1926–1927), завершил карьеру заместителем Г. К. Орджоникидзе в НКТП по вопросам обороны и мобилизационных мер. В 1937 г. арестован, подвергнут пыткам и расстрелян.

Заковский (Г. Э. Штубис) — полпред ОГПУ также шесть лет (с февраля 1926 по апрель 1932), затем — нарком внутренних дел Белоруссии, начальник УНКВД по Ленинградской области, зам. наркома внутренних дел СССР и начальник УНКВД Московской области.

В течение двенадцати лет они оба имели значительное влияние в проведении советской политики в Сибири и формировании той роли, которую спецслужбы исполняли в течение последующих десятилетий.

Павлуновский — безусловно, основатель первой чекистской генерации в Сибири и протагонист внедрения чекистских методов. Когда мы говорим о чекистских методах, не имеем ввиду приемы и способы, унаследованные от царского режима, которые могут рассматриваться как традиционные средства любой спецслужбы. Чекистские методы — нечто особенное. Это то, что до советской власти не было известно ни в Сибири, ни в других регионах, и что родилось с приходом большевиков, а затем широко распространилось по всей России.

Режим большевиков, в отличие от монархии, с самого начала складывался как тоталитарная диктатура с соответствующими ей методами. Поэтому нельзя сказать, что Павлуновский являлся создателем каких-то особых принципов или особого стиля работы. Чекистские «технологии» уже существовали и применялись в стране. Они действовали в Центральной России на всем протяжении Гражданской войны и к 1920 г. оформились как своеобразный *modus operandi*, заложенный

Лениным и Дзержинским путем специфического отбора исполнителей и внедрения особой («революционной») морали. В них заключалась своего рода азбука чекизма, понимание и следование которой являлось главным требованием для каждого сотрудника в повседневной службе.

В обобщенном виде чекистские методы, получившие широкое применение в Сибири благодаря Павлуновскому и Заковскому, можно представить в следующем виде: во-первых, это — метод широкого охвата, то есть прежде всего необычный масштаб карательных действий. Он состоял в стремлении арестовать максимально возможное количество подозреваемых лиц, а затем выяснять их виновность. По этой схеме в 1920–1921 гг. аппаратом Павлуновского проводились кампании по массовым арестам целых групп населения: бывших офицеров и чиновников, членов различных партий, беженцев из центральных районов страны или просто образованных людей. Эти типичные чекистские действия рассматривались как «превентивные меры», призванные оградить советскую власть от готовящихся выступлений противников режима. Постоянная мобилизованность, ожидание неких «враждебных акций» со стороны граждан стали родовым признаком советских спецслужб и неизменным требованием в их деятельности на всем протяжении существования советской системы. Этот же нарратив стал одним из канонов советской историографии.

Из отмеченной методики («берем всех, а потом фильтруем») вытекал другой ключевой компонент технологии ВЧК — формирование крупных «контрреволюционных заговоров» и «антисоветских организаций» в виде разветвленной сети, а также преднамеренная фальсификация дел. Несмотря на закрытость многих документов, этот сценарий освещен в историографии на примере целого ряда акций сотрудников Павлуновского 1920–1923 гг. В публикациях советской эпохи получили

освещение такие примеры «заговоров», как «Сибирско-украинский Союз фронтовиков» (1920–1921) (сотни арестованных), «Сибирский крестьянский Союз» (1921) с массовыми арестами бывших эсеров и народных социалистов, «Базаровско-Незнамовская организация» (1922–1923), по которой аресты проводились по всей Западной и Восточной Сибири (арестованы до двух тысяч человек, в основном самых обычных граждан из нижних слоев общества) [1–3].

Атаки Павлуновского на отдельные группы населения с массовыми обысками и захватом арестованных начались сразу с его появлением в Сибири, и эти действия произвели шокирующий эффект. Особенно заметны были последствия чистки в кооперативных органах — едва ли не единственной остававшейся легальной структуре, где находили прибежище не только экономисты, счетные работники и просто образованные люди, но и представители партий небольшевистского толка, не пожелавшие эмигрировать из страны. О потерях в рядах кооператоров нам известно лишь потому, что эта социальная группа могла официально подавать прошения и требовать освобождения своих сотрудников. Так, в феврале 1920 г. правление Сибцентросоюза в осторожных выражениях жаловалось руководству Сибревкома:

«В Сибирское отделение Центросоюза поступают телеграфные сообщения из разных городов Сибири, освобожденных советской властью, о многочисленных арестах ответственных работников кооперации и об отказе местных „ЧЕКА“ и следственных комиссий в освобождении арестованных до разрешения о них дел, даже под поручительство кооперативных организаций.

Хотя при дальнейшем расследовании большей частью первоначальное обвинение не подтверждается и арестованных выпускают, но благодаря антисанитарному состоянию мест заключения многие из арестованных товарищей, не дождавшись

подчас предъявления конкретных им обвинений, погибают от тифозных заболеваний.

Признавая, что работа в кооперативных организациях сама по себе не может давать иммунитета от арестов вообще, Временная Коллегия распорядителей Сибирского отделения Центросоюза не может не обратить внимание Сибревкома на то обстоятельство, что <...> арест значительного числа ответственных работников кооперативных учреждений по голословным обвинениям, не подтверждаемым дальнейшим расследованием, в корне расстраивает деловой аппарат кооперации и парализует ее деятельность...» [4, л. 55–55 об].

Списки, представленные кооператорами в 1920–1921 гг., насчитывали по 10–40–60 арестованных сотрудников [5, л. 27, 81, 118–118 об].

Главным объектом репрессий Павлуновского являлись большие группы крестьянского населения, протестовавшие против систематических конфискаций продуктов в счет продрозверстки. Против мероприятий государственной власти были подняты стихийные восстания, из которых наиболее крупным стал Западносибирский мятеж 1921 г. с участием десятков тысяч человек. В ходе подавления многих из крестьян расстреляли, сотни приговорили к заключению в концлагерь.

Давая обоснование карательным мерам против крестьян, Павлуновский руководствовался специальной «теорией» о мелкобуржуазной стихии как «новом типе контрреволюции», изложив ее в своей брошюре и журнальной статье [6; 7]. По его мнению, крестьянский протест — анархический взрыв, выражение социальной стихии, спровоцированной врагами советской власти. Крестьянство само по себе не обладает субъектностью, оно выступает как инструмент в руках эсеров, меньшевиков и белогвардейцев, а его протест является «бандитским движением», требующим решительного силового обуздания. Практически три года пребывания в Сибири

у Павлуновского ушло на подавление крестьянских мятежей и аресты противников политики большевизма. По некоторым сведениям, только с апреля 1921 по январь 1923 гг., то есть менее чем за два года в Сибири, его сотрудниками было «раскрыто» 136 «организаций контрреволюционного характера» [3, с. 193].

Сохраняющаяся до сих пор закрытость многих документов не позволяет установить совокупную численность репрессированных повстанцев, однако факт реабилитации ряда ключевых фигур разоблачает фальсификацию этих уголовно-политических дел.

Фабрикация обвинений и следственных процедур начала 1920-х гг. оправдывалась не только требованиями большевистского руководства. Она объяснялась также личными качествами самого Павлуновского. В связи с тем, что Павлуновский не завершил карьеру в рядах ОГПУ–НКВД и не стал активистом Большого террора, а в 1937 г. сам пал жертвой репрессий, о нем сложилась благожелательная оценка в историографии (см. книгу генерала Б. А. Хазанова «Подвиг одного завода», 1990). Между тем авторитетные современники отмечали иную роль и качества этого человека. Так, в 1919 г., когда Павлуновский — зам. начальника Особого отдела ВЧК — стал проводить безосновательные аресты бывших офицеров, перешедших на службу в Реввоенсовет и Красную армию, Троцкий (председатель РВС) назвал его безответственным человеком. Он телеграфировал Склянскому: «Считаю Павлуновского человеком психически неустойчивым. Выдавать ему заслуженных работников на основании его подозрений невозможно. Если Особому отделу придается значение, нужно поставить во главе его ответственное лицо, внушающее доверие к способности разобраться в деле и в людях» [8, с. 108].

Менталитет Павлуновского как разоблачителя «заговорщиков» и «вредителей» проявился и в более позднее время,

на посту замнаркома РКИ и замнаркома НКТП. В конце 1920-х гг., используя чекистские методы, он развернул кампанию травли «вредителей» в оборонной промышленности. Объектами его преследований стали начальник Главного военно-промышленного управления ВСНХ А. Ф. Толоконцев и его ближайший сотрудник, инженер-технолог, видный специалист в области военной промышленности, бывший генерал В. С. Михайлов. В итоге атак Павлуновского Толоконцев был смещен с должности, а Михайлов арестован по обвинению в подрыве государственной промышленности и расстрелян в 1929 г.

Есть примеры и из эпохи конца 1930-х гг. В апреле 1937 г. Павлуновский докладывал Сталину о работе Артиллерийского управления НКО. Он писал: «За шесть лет работы в военной промышленности НКТП я часто сталкивался с фактами, указывающими на крупные недочеты в работе Артиллерийского управления НКО. После вашего доклада и доклада т. Молотова на пленуме ЦК ВКП(б) я прихожу к выводу, что недочеты по артиллерийскому вооружению РККА отнюдь не случайные ошибки, а система действий, сознательно рассчитанная на ослабление вооружения Красной армии. Целый ряд фактов показывает, что на участке артиллерийского вооружения работает на протяжении ряда лет хорошо законспирированная и очень влиятельная вредительская организация» [9, с. 640–644].

Фактически это был прямой призыв к партийно-политическому руководству развернуть чистку в системе НКО.

Составной частью методов, практикуемых Павлуновским и Заковским, как и другими представителями этой категории, несомненно, являлась крайняя степень радикализма и жестокости, то есть особый тип социопатии, выраженный в грубой и стойкой позиции пренебрежения общепринятыми социальными нормами. Об этом аспекте можно говорить как об абсо-

лютно типичной черте чекизма, заложенной Лениным и его последователями типа Сталина, Троцкого, Дзержинского. Известно, что ленинско-большевистское отношение к общечеловеческой морали выражалось понятием «пережиток буржуазного строя». Отвергая этот «пережиток», они не смогли создать и советской морали, способной стать общественной нормой в СССР. Ленинский дух, ленинское отношение к оппонентам, крайняя нетерпимость к проявлениям нелояльности и несогласия с официальной позицией стали квинтэссенцией деятельности советских спецслужб.

Письменные труды, указания и высказывания Ленина содержат множество призывов к массовым расправам с идейными противниками. Стоит упомянуть лишь одну публичную показательную цитату из его выступления на XI съезде РКП(б) весной 1922 г. «Эсеры, меньшевики, руководители II Интернационала, — заявлял Ленин, — говорят нам: „Революция зашла далеко“. А мы на это отвечаем: „Позвольте поставить вас за это к стенке. Либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо... мы с вами будем обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины“» [10, с. 90].

Подобные высказывания не только выражали характер идейных позиций большевиков и тиражировались на всех уровнях советского управления, но и естественным образом воплощались в практических действиях режима.

В середине 1920-х гг., покончив с массовыми крестьянскими мятежами в Сибири, аппарат Павлуновского перешел к новому виду деятельности в виде внедрения системы учета «социально-чуждых элементов» и особого режима секретности в советских учреждениях. С этого периода каждой государственной организации и предприятию предписывалось представлять в органы ОГПУ списки бывших офицеров по шести параметрам (фамилия, имя, отчество, возраст, бывший офицерский

чин, должность, домашний адрес, откуда прибыл на службу в учреждение), позволявшие вести скрытое наблюдение за потенциальными противниками режима. Так родилась новая административная структура дополнительного контроля в форме «секретных частей» — специальных отделов в советских организациях и управлениях, — обязанностью которых вскоре стало также ежемесячное предоставление в ОГПУ анкет и автобиографий всех лиц, принимаемых на службу. Секретное делопроизводство потребовало увеличения числа штатных единиц, выделения специальных помещений, мебели, канцелярских материалов. Оно превратилось в норму и легло дополнительными расходами на бюджет. Очевидно, однако, что чекистский аппарат в этих действиях зашел слишком далеко. В органах гражданского управления Сибирью не захотели мириться с подобными мерами политического контроля, только лишь усложнявших работу учреждений. По решению Сибкрайисполкома с 1 января 1927 г. чекистское требование о порядке приема советских служащих было отменено «в целях сокращения переписки» [11, л. 19].

Важным элементом чекистских новаций стало также формирование нового типа политической ссылки в Сибири. Раннесоветский, преимущественно уголовный, тип ссылки в конце 1920-х гг. (при Заковском) внезапно разбавился бывшими оппозиционерами: среди сосланных эсеров, меньшевиков, царских сановников и различных групп националистов появился значительный слой бывших коммунистов. Задачей Заковского стала реализация новых методов использования ссылки. Прежде всего был изменен режим содержания, в результате чего он стал резко отличаться от царской эпохи: ужесточились повседневный надзор ОГПУ и общие условия содержания в ссылке; место ссылки стало постоянно меняться в целях разрушения связей между ссылкой; введены огра-

ничения на профессиональные занятия; усилился контроль за перепиской и контактами с местным населением.

С именем Заковского связан очередной период погромных чисток в хозяйственных, кооперативных и управленческих организациях края, но прежде всего его исключительная роль проявилась в проведении коллективизации. Под его руководством был спланирован и реализован целый ряд спецопераций ОГПУ по ликвидации «вредительских» и «контрреволюционных» организаций, жертвами которых стали десятки тысяч граждан из категории «бывших людей», ликвидированных партий и бывших офицеров. Наиболее крупными из них стали: «Белогвардейский заговор» (известное как «дело ген. Болдырева»), по которому аресты производились в нескольких городах и районах Западной Сибири; «Контрреволюционный заговор в сельском хозяйстве Западной Сибири» (сотни арестов агрономов, ветработников, служащих МТС, снабженцев, плановиков, счетных работников и других); дело «Сибирского филиала Трудовой крестьянской партии» (во главе с Чайновым, Кондратьевым и другими).

Но особое место в акциях аппарата Заковского занимали кампании по раскулачиванию крестьян и организация спецпоселений. В этой области Заковский выступал не только как практик, но и как автор-разработчик самой концепции массовых депортаций «кулаков» и организации их труда, которая затем была воплощена в жизнь органами ОГПУ. В январе 1930 г. он представил в ОГПУ секретный меморандум в виде развернутой программы с изложением последовательных шагов по «ликвидации кулаков» и созданию для них особых резерваций для предстоящей процедуры «трудового перевоспитания» [12, с. 69–71; 13, с. 337–339].

Заковский со знанием дела отмечал, что массовое выселение «кулаков» на Север не должно стать самоцелью правительства,

так как это будет не ликвидация, а простое их переселение и образование своего рода «кулацких республик». Нужно занять кулаков полезным трудом и таким образом организовать их «перевоспитание». Основными видами «перевоспитания» должны стать лесоразработки, лесозаводы, добыча слюды, графита, золота, строительство железных дорог. Причем платить «кулакам» за их труд нужно лишь половину зарплаты обычных рабочих, а выполнять они должны 1,5–2 нормы. Пока взрослое кулацкое население валит лес и строит дороги, их семьи и иждивенцы выполняют «твердые задания» в предприятиях кустарного типа,

а также занимаются сбором экспортного сырья, грибов и ягод.

Заковского можно с уверенностью назвать основателем ГУЛАГа в Сибири. Под его руководством была организована соответствующая структура — Управление лагерей и колоний, куда вошла огромная сеть мест заключения и спецпоселений с десятками тысяч крестьянских семей и депортированных граждан из Европейской России.

Последующая карьера и финал Заковского хорошо известны. Последняя его должность — начальник треста Камлесосплав НКВД. В 1938 г. он был арестован и расстрелян, реабилитации не получил.

Литература и источники:

1. Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919–1927 гг.). — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. — 210 с.
2. Кучемко Н. М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа (1921–1923 гг.). — Новосибирск, 1981. — 193 с.
3. Тепляков А. Г. «Базаровско-Незнамовское дело» 1923 г.: технология фальсификации и пропагандистского обеспечения // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения: сборник материалов российско-французского семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.). — Новосибирск: Наука, 2010. С. 100–110.
4. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 369.
5. ГАНО. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 672.
6. Павлуновский И. Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г. — Новониколаевск: Изд. Полномочного представительства ВЧК по Сибири, 1922. — 79 с.
7. Павлуновский И. Сибирский крестьянский союз // Сибирские огни (Новониколаевск). 1922. № 2. С. 124–131.
8. Ганин А. «Считаю Павлуновского человеком психически неустойчивым...». Лев Троцкий против Особого отдела ВЧК // Родина. 2015. № 9. С. 106–109.
9. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937): сб. документов. Ч. 2 (1933–1937) / отв. сост. Т. В. Сорокина. — М.: Терра, 2011. — 944 с.
10. Ленин В. И. Речь на XI съезде РКП(б) // Полн. соб. соч. Т. 45. — М.: Издательство политической литературы, 1970.
11. ГАНО. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 28.
12. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. — Новосибирск: Изд. СО РАН, 1997. — 272 с.
13. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 книгах. Кн. 2. — М.: РОССПЭН. 2006. — 1120 с.